

ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

**Наталья
Васильева**

Мария Лагутина

Наталья Алексеевна Васильева – доктор философских наук, профессор кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Электронная почта: nbasil@sir.edu

Мария Львовна Лагутина – к.п.н, доцент, заместитель заведующего кафедрой мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Электронная почта: manipolis@hotmail.com

Статья посвящена политологическому анализу глобальной регионализации как основополагающего условия для успешного формирования Евразийского союза. По мнению авторов, пространство евразийского глобального региона не укладывается в исторические рамки советского прошлого и под воздействием транснациональных процессов приобретает новые очертания – неоевразийского пространства. Интеграция выступает в нем уже не внутренним механизмом взаимодействия бывших советских республик, а инструментом конструирования качественно нового пространства, в котором, с одной стороны, соединяются и разъединяются постсоветские государства, а с другой стороны, появляются новые участники глобальной неоевразийской регионализации (новые государства, бизнес и гражданское общество).

Начало второго десятилетия XXI века отмечено большим динамизмом в реализации глобальных проектов интеграционной направленности в различных регионах мира. Многозначность региональных трансформаций находит отражение в появлении наднациональных структур, развитии принципа трансграничности и стремлении создать многовекторные основания для интеграции. Указанные тенденции развиваются в рамках новых мирополитических феноменов – глобальных регионов. Другими словами, одной из тенденций современного развития является трансформация пространственных координат мировой политики, изменение геополитического ландшафта мировой системы XXI века в результате двух процессов – глобализации и регионализации. В научном дискурсе появилось новое понятие – *глобальная регионализация* (региональная глобализация), где

локальное и глобальное сосуществуют в качестве не взаимоисключающих, а, скорее, взаимодополняющих друг друга процессов. В этой связи уместно обратиться к тезису российского исследователя Н. Косолапова о том, что в современных условиях глобализационной реструктуризации мировой системы фактически создается «новая архитектура пространств, которые будут определять жизнь и развитие мира в предстоящие десятилетия: глобальные как по территориальному охвату, так и по организации в рамках этой архитектуры всех ранее возникших и оформившихся основных пространств» (Косолапов, 2005).

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Специфическими чертами глобальной регионализации являются мультиакторность, трансграничность и транспарентность, что в совокупности означает развитие не просто традиционной межгосударственной интеграции, а формирование сложно структурированных сетевых взаимодействий государств, общества и бизнеса. Доказательно звучит мысль российского исследователя Ю. Абрамова о том, что глобальная регионализация «изменяет и геополитическую, и геоэкономическую структуры мира» (Абрамов, 2008). Важным аспектом в контексте анализа феномена глобальной регионализации является определение отношения регионализации к глобализации (ведь именно глобализация традиционно рассматривается в качестве определяющего фактора развития форм международного регулирования). Эта сфера мирополитических исследований характеризуется крайним разнообразием подходов, которые, тем не менее, можно соединить в три основные гипотезы:

- регионализация — способ сопротивления государств тенденциям, сопровождающим глобализацию в различных сферах (в том числе в экономической);
- регионализация представляет собой один из механизмов формирования глобального миропорядка;
- регионализация является одним из направлений глобализационных процессов.

Переходный характер современного этапа мирового развития определяется качественным изменением устоявшихся ранее понятий и категорий, среди которых понятие «регион». На протяжении последних десятилетий в условиях беспрецедентной активизации и ускорения глобальных процессов, охватывающих все сферы мирового социума, понятие «регион» претерпело существенную трансформацию, что выразилось в переходе его от территориального измерения к пространственному. Так, в определенном смысле классический подход к определению понятия «регион» демонстрирует российский исследователь А. Воскресенский: «Регион — это определенная территория, представляющая собой сложный территориально-экономический и национально-культурный комплекс, который может быть ограничен признаком наличия, интенсивности, многообразия и взаимосвязанности явлений, выражающихся в виде специфической однородности географических,

природных, экономических, социально-исторических, национально-культурных условий, служащих основанием для того, чтобы выделить эту территорию» (Воскресенский, 2002). В данной трактовке акцент делается на территориальном признаке, но виртуальные глобально-региональные сетевые характеристики современного мира остаются без внимания.

В научной среде существуют различные мнения относительно такого признака региона, как территория. Географическое единство не является определяющим признаком. Так, например, в концепции нового регионализма существуют кардинально противоположные взгляды на критерии образования регионов. Некоторые эксперты под регионом понимают политические образования, не обусловленные географическими факторами (Nemmer, Katzenstein, 2005). По оценке Э. Харрелла, не существует «естественных» регионов, а их определение варьируется в зависимости от рассматриваемой проблемы (Hurrell, 1995). Таким образом, на первый план выходит функциональный принцип, что дает основание при определении региона отойти от чисто географического подхода. Сторонники социального конструктивизма считают, что важнейшим признаком региона является его восприятие (правительством, гражданским сообществом и бизнесом), что, в свою очередь, зависит от изменения норм и идентичностей. Фактически новый регионализм стремится выйти за границы картографического метода и учета географического фактора формирования регионов. В рамках данного подхода делается вывод о том, что «регионы — это деятельность, направленная на достижение наших теоретических целей, а потому формирование регионов обусловлено интеллектуальной и политической необходимостью» (Hurrell, 1995). В итоге при определении региона новаторски звучит понятие «пространство», которое в данном прочтении не имеет ярко выраженных территориальных констант и может вбирать в себя новые характеристики региона, не привязанные к географической карте. Пространство есть структура, наполняющая регион в процессе регионализации (что особенно актуально при формировании «глобальных регионов»), но пространство может превосходить территориальную основу региона, и нельзя не учитывать эту возможность, рассматривая понятие «глобальный регион». На наш взгляд, регион можно определить как некую целостность без жесткой замкнутости в территориальные рамки. Исходя из данного определения, можно говорить о глобальном измерении региона, что подразумевает:

- трансграничную природу региона;
- его участие в качестве единого целого в мирополитических процессах.

Таким образом, «глобальный регион» — это структурированное пространство, основными характеристиками которого являются как традиционные факторы (географический, исторический, цивилизационный и культурный), так и новые факторы эпохи постмодерна (сетевой, коммуникационный, виртуальный и т. д.).

В рамках процессов глобальной регионализации интеграционные взаимосвязи также подвергаются качественной трансформации. В этой связи важно принять во внимание идею смены поколений форм региональной

интеграции. На наш взгляд, можно согласиться с Л. Ван Лангенхове, который выделяет три поколения (Van Langenhove, Costea, 2005):

- экономический регионализм (основанный на создании зоны свободной торговли, преобразуемой затем в таможенный союз, общий рынок и, наконец, экономический союз);
- новый регионализм (предполагающий интеграцию в политическом и социальном аспектах);
- регионализм третьего поколения (создающий возможность интеграции внешнеполитических доктрин и, соответственно, развития межрегиональных связей).

Фактически на смену территориально-государственному принципу интеграционного объединения приходит принцип пространственной взаимосвязи в глобальном масштабе. В XXI веке наблюдается трансформация классической формы территориальной интеграции государств (в форме международных регионов), руководствовавшихся исключительно национальными интересами, в глобально-региональную интеграцию основных акторов мировой политики и экономики, где на первый план выходят уже надгосударственные (наднациональные) интересы.

Авторы согласны с позицией Н. Косолапова, который считает, что необходимо четко разводить понятия «интеграция» и «регионализация», поскольку политика интеграции не всегда ведет к созданию со-управления как наднационального фактора в развитии глобальных регионов, а регионализация является результирующим процессом именно наднационального политического строительства. Объективная тенденция интеграции в современном мире вызвала к жизни новый пространственный феномен «наднациональности». Можно сказать, что развитие интеграционных пространственных форм мирополитических процессов в начале XXI века создает предпосылки для новых мировоззренческих подходов к взаимодействию акторов, которые начинают выстраивать свои отношения, основываясь на наднациональных принципах. Идеология наднациональности способна изменить расстановку сил в мире, так как речь идет о возрастающем влиянии региональных интеграционных объединений государств и международных межправительственных организаций.

Таким образом, глобальная регионализация рассматривается в качестве одной из основных тенденций современного мирового развития, результатом которой является формирование глобальных регионов. Новые региональные формы представляют собой пространства, подразумевающие разнообразные виды взаимодействий государственных и негосударственных акторов в различных сферах и на различных уровнях. Другими словами, наблюдается переход от региональных интеграционных группировок к глобальным наднациональным институтам, основанным на взаимодействии государств, бизнес-структур и гражданского общества, что представляет собой качественно новое состояние современных интеграционных процессов и может быть определено как «конгломерационная» форма интеграции.

ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ — ИНТЕГРАЦИОННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ

В этом контексте представляется необходимым рассматривать нарождающийся Евразийский союз как интеграционную форму сотрудничества нового поколения, соответствующую тенденции глобальной регионализации в нынешнем веке. В подтверждение можно привести концептуальные размышления Н. Назарбаева о том, что «в XXI столетии невозможно представить, чтобы Евразийский союз состоялся как успешный центр глобальной силы вне четко прослеживающихся трендов глобального развития. В текущем столетии регионализация стала общемировой тенденцией. Европейский союз (ЕС) в ближайшие годы планирует дальнейшее расширение за счет вступления в него Хорватии, а в перспективе — Сербии, Черногории и других стран. В Восточной Азии создается крупнейшая на планете зона свободной торговли с участием Китая и стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) с охватом сразу двух миллиардов потребителей. В финансово-экономическом плане самоорганизуется регион Персидского залива. Укрепляется интеграция стран Северной и Южной Америки, Африки» (Назарбаев, 2011).

Однако, размышляя о будущем Евразийского союза, нельзя не обратиться к недавнему прошлому и дезинтеграционным процессам, охватившим весь постсоветский регион, который (с учетом не только бывших республик СССР, а также стран социалистического лагеря) можно охарактеризовать как глобальный регион. Один из главных уроков этого исторического периода состоит в том, что тоталитарно-этатистский характер прошлых объединений определялся практически полным отсутствием гражданского общества и бизнес-структур, что лишало тенденцию к интеграции естественной среды развития и укрепления (в отличие от западноевропейских интеграционных форм). Поэтому в современных условиях представляется крайне неэффективным вновь обращаться при создании евразийской интеграции лишь к государственным органам, не учитывая активно развивающихся форм гражданского общества и бизнес-структур.

Именно негосударственные акторы могут создать (и уже создают) ту прочную интеграционную среду региональной евразийской взаимозависимости, которая, с одной стороны, формируется за счет нерасторжимых переплетений интересов (экономические, культурные, этнические), уходящих в глубь исторического соседства, а с другой — предопределяется глобализационными особенностями современного общественного развития (информационная прозрачность, человеческая мобильность, рыночные факторы).

Проектная идея Евразийского союза подразумевает не столько создание единого стратегического пространства, сколько формирование надгосударственной системы управления в масштабах глобального евразийского региона, который призван стать важной частью формирующейся мировой системы глобального управления.

Когда мы рассуждаем о глобальном евразийском регионе в рамках глобальной регионализации, то нельзя не упомянуть теоретические предпосылки данных концептуальных разработок. Так, еще в период перестройки

академик А. Сахаров выступил с предложением преобразовать СССР в Соединенные Штаты Евразии по примеру Соединенных Штатов Америки (США), положив в основу преобразований подготовленный им проект «Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии» (1989). Однако наиболее развернутую концептуальную идею евразийской интеграционной модели на постсоветском пространстве предложил президент Казахстана Н. Назарбаев, что нашло отражение в проекте Евразийского союза (Назарбаев, 1997).

К сожалению, в 90-е годы XX века и в первые годы XXI данный проект не находил практической реализации, хотя в научных кругах тема реинтеграции постсоветских стран нашла глубокий отклик. Однако нельзя не согласиться с А. Либманом, который достаточно обоснованно раскритиковал теоретические разработки ряда ученых (Либман, 2012). По его мнению, все работы по постсоветской интеграции можно разделить на две группы:

- «типичный труд по постсоветской интеграции», который «имеет довольно слабую теоретическую основу, часто изобилует описательной статистикой и почти никогда не содержит того, что и составляет суть научного исследования (например, оригинальные интервью, результаты опросов и детальный разбор конкретной проблемы или эконометрический анализ)»;
- три основные альтернативы «типичному труду по постсоветской интеграции». Во-первых, эмпирические и теоретические исследования по постсоветской интеграции, главным образом нацеленные на понимание взаимодействия на микроуровне. Во-вторых, популярные дискуссии на тему связи между постсоветской интеграцией и общей внешней политикой России. И в-третьих, работы, выражающие растущий интерес к рассмотрению постсоветской интеграции в контексте евразийских и европейских интеграционных инициатив, а также дискуссии на тему «открытого регионализма».

Бесспорно, в современных условиях, когда формируются мировые интеграционные процессы, имеющие качественно новые характеристики глобальной регионализации, российской политической и экономической науке необходимо подняться на новый исследовательский уровень. Однако если подойти к разработкам российских геополитиков, политологов, экономистов на тему евразийской интеграции с точки зрения уровней теоретического обобщения, то можно классифицировать исследования в зависимости от масштабов концептуальных подходов: планетарный, региональный и субрегиональный.

Планетарный уровень характерен для работ А. Дугина, который рассматривает евразийство в условиях глобализации как антипод однополярного глобализма (атлантизм). Один из основных его тезисов сводится к признанию объективности глобализации, что рассматривается как конец эпохи «национальных государств». На смену им в рамках многополярной глобализации приходят «меридиональные зоны», простирающиеся с севера на юг (атлантическая, евроафриканская, российско-среднеазиатская и тихоокеанская). Таким образом, концептуально обосновывается идея интеграции как единство в многообразии в противовес вестернизационной, атлантической (унификаторской) интеграционной схеме.

Что касается регионального уровня концептуальных разработок, то авторские идеи определяются проблематикой геополитических характеристик евразийского континента, который рассматривается в культурно-этнографическом контексте, что сближает идею евразийства с политическим проектом континентальной интеграции Ш. де Голля (границы объединения идут от Атлантики до Урала и далее до Владивостока). Теоретическим осмыслением возможности интеграции евразийского «суперконтинента» занимается директор Центра интеграционных исследований ЕАБР Е. Винокуров, который считает, что наличие ряда центров силы (ЕС, Китай, Индия, России как центра притяжения постсоветского пространства и Турции как нарождающегося лидера исламской Западной Азии) делает маловероятным возникновение одной континентальной интеграционной организации наднационального характера.

Что касается субрегионального уровня осмысления идеи евразийской интеграции, то долгое время в теоретических дискуссиях об интеграционных формах сотрудничества на постсоветском пространстве господствовала негативная трактовка любых проектов поддержки центростремительных тенденций. Причины этого политологического нигилизма были обусловлены тем, что идея Евразийского союза не была концептуально проработана и содержала лишь отдельные положения, касающиеся «особого слага европейской и азиатской цивилизации, близости и духовной общности многих народов бывшего СССР, специфики исторических судеб и т. п.» (Тощенко, 1997).

Возрождение позитивного интереса к концептуальной идее Евразийского союза в начале второго десятилетия XXI века связано с поиском новых моделей взаимодействия России и ее ближайших союзников. Сторонники идеи Евразийского союза (например, Н. Назарбаев, А. Шалтыков, Р. Феляхов и др.) справедливо рассматривали в качестве практического воплощения данной концепции созданный в 2010 году Таможенный союз. В результате в июле 2011 года перед Таможенным союзом России, Казахстана и Беларуси была поставлена задача реорганизации постсоветского/евразийского пространства в неоевразийское: «Строительство Таможенного союза и Единого экономического пространства в перспективе открывает путь к формированию Евразийского экономического союза» (Феляхов, 2011).

На современном этапе институционализация Евразийского союза идет полным ходом. Уже определены временные сроки (2015 год), когда новое интеграционное объединение должно реализоваться на практике. Однако важно понять, в чем будет заключаться особенность данной модели интеграции, а для этого необходимо проанализировать управленческие схемы в рамках уже существующих моделей интеграции наших ближайших соседей по евразийскому континенту. Как с ЕС, так и с АТЭС у России в последнее время сложились достаточно тесные взаимоотношения, поэтому необходимо изучить управленческий опыт данных структур с целью возможного в дальнейшем их использования.

Что касается европейской модели интеграционного управления, то, в первую очередь, можно отметить, что в последнее время ЕС находится в постоянном поиске оптимальной модели развития. Авторам представляется,

что и современная кризисная ситуация подтолкнет европейских лидеров к новым структурным изменениям и управленческим принципам. Кроме того, для проекта Евразийского союза будет полезным принять во внимание многоуровневость системы европейского управления (благодаря чему становится возможным участие негосударственных акторов в процессе принятия решений) и принцип субсидиарности, который позволяет пропорционально распределять властные функции между всеми «этажами» многоуровневой системы управления (Стрежнева, 2011).

В отношении азиатско-тихоокеанской модели интеграционного управления, прежде всего, продуктивным может стать принцип «открытого регионализма», так как одной из особенностей неоевразийского пространства является наличие большого количества различных интеграционных структур, которые не следует рассматривать как конкурирующие, а скорее как основу сетевой интеграции на неоевразийском пространстве. Интересным также в контексте создания Евразийского союза авторам представляется феномен «мягкого закона», что может благотворно сказаться на развитии экономических отношений стран Евразийского союза с непризнанными государствами постсоветского пространства и негосударственными акторами.

Институциональные особенности организационного формирования Евразийского союза актуализируют задачу выработки соответствующего категориального аппарата для теоретического осмысления интеграционных перспектив глобального евразийского региона. Важно понять парадоксальность современной ситуации: уже более 20 лет не существует СССР, однако терминологически научное сообщество постоянно к нему возвращается, употребляя для определения современного общества такие понятия, как «постсоветское», «постсоциалистическое», «бывшие советские республики» и пр. Фактически современность не имеет своего понятийного образа, прячась за приставкой «пост» (Пивовар, 2008; Алчинов, 2008). Чаще всего в политологической литературе рассматриваемое пространство именуется постсоветским, постколониальным, постимперским (Празаускас, 1992; Гагатова, 1996). Кроме того, можно встретить определения этого пространства как евро-азиатского, евразийского, континентального; а также мультицивилизационного, межконфессионального, полиэтничного. Глобализационный фактор способствовал появлению таких характеристик исследуемого пространства, как моноцентричное, полицентричное, сетевое (Винокуров); интеграционно-дезинтеграционное (Косов, Торопыгин, 2006); транснациональное, глобально-региональное и т. д.

На наш взгляд, необходимо дать обобщенное понятийное определение этой структурной части мировой политико-экономической и социальной карты, которая динамично преобразуется после всемирно-исторических событий XX века. Крайне важно содержательно разрабатывать понятие «евразийство/неоевразийство», «евразийское/неоевразийское пространство», подчеркивая эволюционную преемственность пространственно-временных форм евразийского будущего (определяемого через категорию «неоевразийское пространство») от советского прошлого (определяемого через категорию «постсоветское пространство»).

По мнению авторов, пространство *евразийского глобального региона* не укладывается в исторические рамки советского прошлого и приобретает под воздействием транснациональных процессов новые пространственно-временные очертания — *неоевразийского пространства*. При этом интеграция выступает уже не внутренним механизмом взаимодействия бывших советских республик, а инструментом управления и конструирования качества нового пространства, в котором, с одной стороны, соединяются и разъединяются постсоветские государства, а с другой стороны, появляются новые участники глобальной неоевразийской регионализации (как государственные, так и негосударственные). В этом контексте представляется интересной идея Д. Тренина определять Россию как «евро-тихоокеанскую страну» (Тренин, 2012).

Достаточно длительное время после распада СССР постсоветское пространство находилось на отдаленной периферии мирового интеграционного пространства и рассматривалось, по определению З. Бжезинского, как некая «черная дыра» на интеграционной карте. Основной интеграционной структурой, созданной на постсоветском пространстве еще в начале 90-х, было СНГ, которое больше походило на «цивилизованный развод» бывших союзных республик, а не на эффективную региональную структуру. Однако уже с 1994 года стала очевидной необходимость создания качественно нового института интеграции, который позволил бы странам региона эффективно взаимодействовать и стать частью мировых интеграционных процессов. В основу этого проекта была положена идея евразийской, а в начале 2000-х — неоевразийской интеграции. Отсутствие универсальной «интеграционной парадигмы», которая позволяла бы концептуализировать и спрогнозировать последовательность и закономерность интеграционных и дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, создает определенные трудности в теоретическом анализе конкретных траекторий интеграционных изменений, как на «большом пространстве» Евразии, так и на ее отдельных «больших пространствах» (в частности, «большом постсоветском пространстве»).

Неоевразийская интеграция, по мнению авторов данной статьи, представляет собой качественно новую форму взаимодействия в рамках глобального региона Евразии. При этом важно подчеркнуть, что в условиях изменения роли национального государства в современных мирополитических процессах классические концепции интеграции все менее соответствуют новым реалиям и трендам глобальной регионализации. В результате, наравне с традиционными субъектами международных отношений в мировые интеграционные процессы включаются многочисленные негосударственные участники, что открывает новые возможности эффективного взаимодействия и со-управления в рамках глобальных регионов. Особенностью современных интеграционных процессов является их глобальное (мировое) измерение и переход к началу глобально-региональной стадии интеграции, то есть переход от региональных интеграционных группировок к глобальным наднациональным институтам, основанным на взаимодействии государств, бизнес-структур и гражданского общества.

В заключение важно подчеркнуть, что стремительность последних политических решений «неоевразийской тройки» (Казахстан — Россия — Беларусь) относительно создания Евразийского союза способствовала всплеску интереса в международных научных кругах к перспективам нового глобально-регионального интеграционного проекта. Так, в ряде европейских и американских университетов созданы центры по изучению евразийской интеграции. Однако при этом политические элиты ЕС и США, а также Китая, на взгляд авторов данной статьи, до сих пор не смогли четко сформулировать свои позиции и оценки в отношении нового Евразийского союза. Причиной такого невнимания со стороны ведущих стран мира к новому интеграционному образованию является негативный опыт интеграции на постсоветском пространстве до недавнего времени. В результате часть политического истеблишмента Запада просто не рассматривают всерьез намерения «интеграционной тройки». Если в политических кругах Запада пока не высказывают четких позиций в отношении проекта Евразийского союза, то в научном и экспертном сообществе уже началась активная дискуссия по оценке перспектив неоевразийской интеграции, свидетельством чему, например, является научная работа исследовательской группы по проблемам евразийской интеграции под руководством профессора К. Малфлит в Левенском католическом университете, Бельгия. Так, сотрудники этого центра вместе с российскими экспертами опубликовали ряд монографий и научных статей по данной тематике (см., например, Malfliet, Verpoest, Vinokurov, 2007). По мнению авторов данной статьи, очень важно развивать подобную научную интеграцию по проблемам евразийского глобального региона, что позволит учитывать позиции представителей различных научных школ по данной тематике и обеспечить наиболее продуктивную дискуссию по различным аспектам евразийской интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов Ю. (2008) Глобальная регионализация: к обоснованию понятия. *Социально-гуманитарные знания*. № 1. С. 242–250.

Алчинов В. (2008) *СНГ — Россия — Евросоюз. Проблемы и перспективы интеграции*. Москва: Восток — Запад.

Винокуров Е. (2012) *Евразийская интеграция*. Доступна на: <http://www.vinokurov.info/eurasian-ru.htm>

Воскресенский А. (2002) *Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений*. Москва: Московский государственный институт международных отношений (Университет).

Гагатова Л. (1996) Империи: идентификация проблемы. *Исторические исследования в России. Тенденции последних лет*. Москва: АИРО — XX.

Дугин А. (2012) *Евразийская идея в качественном пространстве*. Доступна на: <http://evrazia.info/modules.php?name=News&file=print&sid=1904>

Косов Ю., Торопыгин А. (2006) *Содружество Независимых Государств*.

Косолапов Н. (2005) Глобализация: территориально-пространственный аспект. *Мировая экономика и международные отношения*, № 6.

Либман А. (2012) *Исследования региональной интеграции в СНГ и Центральной Азии: Обзор литературы*. Санкт-Петербург: Евразийский банк развития.

Макарычев А. (2001) *Российские регионы и глобализация*. Доступна на: <http://www.policy.hu/makarychev/rus21.htm>

Назарбаев Н. (2011) *В начале второго десятилетия XXI века идея евразийской интеграции обретает реальные черты Единого экономического пространства*. Доступна на: <http://forumoldova.com/2011/10/26/evraziyskiy-soyuz-ot-idei-k-istorii-buduschego>

Назарбаев Н. (2011) Евразийский союз: от идеи к истории будущего. *Известия*. 25 октября. Доступна на: <http://izvestia.ru/news/504908>

Назарбаев Н. (1997) *Евразийский союз: Идеи, практика, перспективы. 1994–1997*. Москва: Букинист.

Пивовар Е. (2008) *Постсоветское пространство: альтернативы интеграции. Исторический очерк*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Празаускас А. (1992) СНГ как постколониальное пространство. *Независимая газета*. 7 февраля. Доступна на: http://www.ualberta.ca/~khineiko/NG_92_93/1141438.htm

Стрежнева М. (ред.) (2011) *Транснациональные политические пространства: явление и практика*. Москва: «Весь Мир».

Тощенко Ж. (1997) *Постсоветское пространство: Суверенизация и интеграция. Этносоциологические очерки*. Москва: РГГУ.

Тренин Д. (2012) *Post-Imperium: евразийская история*. Москва: Московский центр Карнеги.

Феляхов Р. (2011) *Таможенный союз станет евразийским. Владимир Путин предлагает создать Евразийский союз. 12 июля*. Доступна на: http://www.gazeta.ru/business/2011/07/12/kz_3693185.shtml

Шалтыков А. (2010) *Главная цель ЕвразЭС – формирование Таможенного союза*. Доступна на: http://www.rusnauka.com/1_KAND_2010/Politologia/1_57495.doc.htm

Hemmer, Ch., Katzenstein, P. (1995) Why Is There No NATO in Asia: Collective Identity, Regionalism, and the Origins of Multilateralism. *International Organization*.

Hurrell, A. (1995) Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics. *Review of International Studies*. Vol. 21. #4.

Malfliet, K., Verpoest, L., Vinokurov, E. (2007) *The CIS, the EU and Russia. The challenges of Integration*. N. Y.: Palgrave Macmillan.

Van Langenhove, L., Costea, A.-N., (2005) The EU as a Global Actor and the Emergence of 'Third Generation' Regionalism. *UNU-CRIS Occasional Papers 0–2005/14*.

